

Н. С. ГУМИЛЕВ

ИСЛАМ

О.Я. Высотской

В ночном кафе мы молча пили кьянти,
Когда вошел, спросивши шерри-бренди,
Высокий и седеющий эффенди,
Враг злейший христиан на всем Леванте.

И я ему заметил: «Перестаньте,
Мой друг, презрительного корчить денди,
В тот час, когда, быть может, по легенде
В зеленый сумрак входит Дамааянти».

Но он, ногою топнув, крикнул: «Бабы!
Вы знаете ль, что черный камень Кабы
Поддельным признан был на той неделе?»

Потом вздохнул, задумавшись глубоко,
И прошептал с печалью: «Мыши съели
Три волоска из бороды Пророка».

ДИТЯ АЛЛАХА

Картина первая.

Пустыня. Закат солнца.

Дервиш (молится).
Благословен Аллах, создавший
Солнцеворот с зимой и летом
И в мраке ночи указавший
Пути планетам и кометам,

Как блещет звездная дорога,
Где для проворного стрельца
Он выпускает козерога,
Овна и тучного тельца!
Велик Аллах, создавший сушу
И океан вокруг создавший,
Мою колеблемую душу
Соблазнами не искушавший,
Я стар, я беден, я незнатен,
Но я люблю тебя, Аллах,
И мне не виден, мне не внятен
Мир, утопающий в грехах.

П е р и (в х о д и т)

Ты — дервиш, первый в нашей вере?
Ты сыплешь мудрость, как цветы?

Д е р в и ш

А кто ты, девушка?

П е р и

Я — Пери.

Д е р в и ш

Небесная, откуда ты?

П е р и

Я, пролетая летом птицы
За самой дальней из планет,
Нашла подкову кобылицы,
Которой правил Магомет.

Д е р в и ш

Стопы твои за то целую!
Да будет жизнь твоя светла!

П е р и

Я ту подкову золотую
Аллаху верно отнесла
И так сказала: «Я упрямо,
Творец, молю у ног твоих —
Пусти меня к сынам Адама,
Стать милой лучшего из них»
И сделал он меня свободной,

Но, чтобы не ошиблась я,
Дана звездой путеводной
Мне мудрость дивная твоя.
Все семь небес и все четыре
Стихии ведомы тебе:
Скажи, кто первый в этом мире,
Да уверюсь я его судьбе.

Д е р в и ш

Дитя мое, молю, не требуй
Уроков мудрости моей:
Я предался душою небу,
Бегу мятущихся людей.
Но я тебе, ребенку Бога,
— Да славится Его лицо —
Дам белого единорога
И Соломоново кольцо.
Они — плоды моих молений,
Я в новолунье их достал
Ценою многих искушений,
Смотря в магический кристалл.
Покорный только чистой деве
И сам небесной чистоты,
Единорог ужасен в гневе
Для недостойных красоты.
Кольцо с молитвою Господней
На палец милому надень,
И, если слаб он, в преисподней
Еще одна заплачет тень.
Теперь прощай, но знай — повсюду
Я счастья твоего кузнец.

П е р и

Твоих щедрот я не забуду,
Благодарю тебя, отец.

(Дервиш передает единорога и кольцо, сам удаляется; проходят верблюды, на одном сидит юноша, рядом идет раб).

Ю н о ш а

Как я пустыню ненавижу,
Пески, миражи и бурьян!

Р а б

Ты видишь девушку?

Ю н о ш а

Я вижу,
Остановите караван.
Скорей несите винограду,
Шербет и фиников в меду!
О, девушка, я шел к Багдаду
И, видишь, больше не иду.

П е р и

Ты — лучший из сынов Адама?

Ю н о ш а

О да, для неги и любви.
Взгляни на взор, смотрящий прямо,
На губы красные мои.

П е р и

Ты царь?

Ю н о ш а

Для девушек.

П е р и

Ты воин?

Ю н о ш а

Когда сражаюсь с бурдюком.

П е р и

Певец, быть может?

Ю н о ш а

Я достоин,
Клянусь, назваться и певцом.
Ведь лютня дочери эмира,
Свирель пастушки молодой,
Гречанки золотая лира
Звучат, взволнованные мной.
От Басры до Бени-Алема,
Поверь, ты не найдешь гарема,
Где не вздыхали бы с тоскою
О ночи сладостной со мною.

Я знаю головокруженье,
Какое дарит наслажденье
Между собой переплетенным
И очарованным влюбленным.
И знаю я слова нежнее,
Чем ветер в розовой аллее,
Слова нежданной и чудесней
Ручья и соловьиной песни.
Твои беспомощные руки,
Пугливые, как серны, очи,
Я знаю, ищут сладкой муки,
Хотят безмолвия и ночи.

Р а б

Прикажешь приготовить ложе?

П е р и

Любовь, так вот она любовь!

Ю н о ш а

Ответь мне, милая, ну, что же?

(Рабу):

Дурак, конечно приготовь!

П е р и

Как в сердце усмирить тревогу?

Мне кажется, что я люблю...

Я белому единорогу

Передаю судьбу мою.

(Единорог убивает юношу).

Ю н о ш а (у м и р а я)

Жестокая, я умираю!

И странный звон, и все в огне...

Уйди, тебя я проклиная!

Леила нежная, ко мне...

П е р и

Что стало с ним? Недвижно тело,

Глаза погасли, кровь течет...

Ах, этого ли я хотела?

Я думала ль, что он умрет?

(Раб уносит труп; появляется бедуин на коне).

Б е д у и н

Я слышал запах свежей крови
И я погнал сюда коня.
О, нет судьбы моей суровой!
Сражались здесь — и без меня.
Где бой был, девушка?

П е р и

Ты воин?

Б е д у и н

Война — единый мой закон.

П е р и (п р о с е б я)

Быть может, он меня достоин:
Он горд, отважен и силен.

Б е д у и н

Не ты ль была добычей боя?
О, если так, то ты моя!
По праву первого героя
Тобой владею ныне я.

П е р и

Ты с девой грубым быть не можешь,
И честным брак да будет наш.
Какой ты выкуп мне предложишь,
Какой подарок брачный дашь?

Б е д у и н

Дам славу. Слаще жизни слава
На многолюдных площадях,
Когда проходишь величаво
И все склоняются во прах.
Иль в бездне аравийской ночи,
Когда раздастся львиный рев,
И ты на льва подымеешь очи,
И очи вдруг опустит лев.
Я словно царь! Где захочу я,
Там и раскину свой шатер,
В садах эмировых кочуя
И на вершинах диких гор.
Ко мне приходят бедуины,

Бойцы, какими горд Багдад,
Ужасные приходят джины...
И месс мой пьет, и меч мой рад.

П е р и

А если вдруг архангел Божий
За мной иль за тобой придет,
Как защитишься ты?

Б е д у и н

Он тоже
Окровавленный упадет.

(Появляется Искандер).

И с к а н д е р

Хвастливый воин попугаю
Подобен. Я сильнее был,
А больше глаз не поднимаю,
И это сделал Азраил.

П е р и

Мне страшно.

Б е д у и н

Кто ты, тень?

И с к а н д е р

Искандер
Меня зовет твоя страна,
Но ведают об Александре
И западные племена.
Дана мне тихая могила
И горестное торжество,
Но смертный сон мой возмутило
Твое пустое хвастовство.
Иди, смотри, как убивают
Ничтожных древние бойцы.

Б е д у и н

Я посмотрю, как умирают
Вторую смертью мертвецы.

(Бьются. Бедуин падает).

П е р и

Ты — первый в мире?

И с к а н д е р

Данник мрака,
Последний я, как он теперь.
В грязи живущая собака
Нас двух достойнее, поверь.

(Уходит, унося труп).

П е р и

Он только что был солнцем страсти,
И вот его уносят тело...
Ужели вестницей несчастий
Я в этот странный мир слетела?..

(Появляется охота; пролетают со-
кола, пробегают гепарды, выезжают
халиф и астролог).

К а л и ф

Не ты ли — лебедь, за которой
Мои помчались сокола,
И не тебя ль гепардов свора,
Как серну, бешено гнала?
Не, ты прекрасней серн проворных
И величавей лебедей
Под мягкими волнами черных,
Разбросанных твоих кудрей.

А с т р о л о г

Мне благосклонная планета,
О пери, сан открыла твой.
Но встань: потомок Магомета,
Калиф, беседует с тобой.

П е р и

Ты — первый в мире?

К а л и ф

Цвет рубина,
Не первым быть бы я не мог:
Ведь тем, кто лучше господина,
Приносят шелковый шнурок.

А с т р о л о г

Созвездья утверждают явно,
Что солнце мира — наш калиф.

К а л и ф

Мой добрый астролог исправно
Мне льстит, подарок получив.
Но правда, блеск моей печати
Дарует смерть и торжество,
Таких богатств, красавиц, рати,
Я знаю, нет ни у кого.
А ты подобна изумруду,
И я люблю тебя одну,
Дочь дяди моего забуду,
Диван, охоту и войну,
Мы будем слушать ветер горный
С высоких каменных террас,
Смотреть на город, нам покорный,
На мир, живущий ради нас.

П е р и

Не надо больше испытаний!
Калифа я не погублю.

К а л и ф

Что говоришь ты, дочь желаний?

П е р и

Я повинуюсь и люблю.

(Появляется единорог).

А с т р о л о г

О звезды, я боюсь!

К а л и ф

Что кто?

П е р и

Уйди, ужасный зверь, не тронь!

(Единорог склоняется перед конем калифа).

А с т р о л о г

От кобылицы Магомета
Калифа происходит конь.

К а л и ф

Дай губы, милая! Как розы
Шираза, твой пылает рот.
Дай руки белые, как козы
Памирских снеговых высот.
Но что? Сапфир огромный, цельный
Сияет, вправленный в кольцо...

П е р и

Молчи! Кольцо мое смертельно!
Не смей смотреть, закрой лицо!
Мне дервиш дал его сегодня,
Промолвил: «Милому надень,
И, если слаб он, в преисподней
Еще одна заплачет тень».

К а л и ф

Надень кольцо мне.

П е р и

Умоляю,
Что будет, если ты умрешь?

А с т р о л о г

Планеты...

К а л и ф

Я повелеваю!

П е р и

Старик, быть может, молвил ложь...

(Передает кольцо калифу; тот падает).

П е р и

И он, и он — во тьме безмерной...
Нет, встань, ты должен, я хочу...

А с т р о л о г

Я от наследника, наверно,
Подарок новый получу.

(Уносит труп).

П е р и

Я в этот мир сошла для плена
Сладчайшего любви земной,
А смерть, как злобная гиена,
Повсюду крадется за мной.
Надежда, мысль о наслажденьи,
Все обмануло, все ушло...
О, только б заслужить прощенье
Мне за содеянное зло,
Чтоб, возвратясь в сады Аллаха,
Не говорить, краснея, ложь...

Д е р в и ш (в х о д я)

Вставай, иди за мной без страха,
Ты все поймешь и все найдешь.

Картина вторая

Улица Багдада.

На заднем плане терраса дворца.
Входят Пери и дервиш.

П е р и

Устала я. Вожатый строгий,
не это ли конец пути?
Мои израненные ноги
Не в силах далее идти.

Д е р в и ш

Ты пожелала искупления,
Перед грехом своим дрожа,
И каждое твое веление
Твой раб исполнит, госпожа.
О бедная, тебя я выдам
Твоим безжалостным врагам,
Их оскорбленьям, их обидам,
На муку горькую и срам.

(Проходят старуха и кади).

С т а р у х а

Привет тебе, мой добрый кади.

К а д и

Привет ответный.

Старуха

Говорят,
Что скоро будет здесь, в Багдаде,
Великолепнейший Синдбад;
С ним двести золоченых барок,
Каких еще не видел мир.

Кади

Он, верно, кади даст подарок!

Старуха

А я пойду к нему на пир.

Дервиш (старухе)

О, госпожа моя, слетела
Печаль на блеск твоих седин,
Как птица хищная.

Старуха

В чем дело?

Дервиш

Твой нежный, твой прекрасный сын...

Старуха

Его нашли в чужом гареме,
Побили? Как довольна я!
Он издевался надо всеми...

Дервиш

Он умер, госпожа моя.

Старуха

Ты шутишь, дервиш, я не верю!

Дервиш

Он шел к Багдаду и в пути
Пустынному попался зверю...
Никто не мог его спасти.

Старуха

А караван?

Дервиш

Его умелый
Слуга до города довел.

Старуха
И все верблюды целы?

Дервиш
Целы.

Старуха
Ну, слава... Нет! О бездна зол!
Мой сын, он так любил фисташки
И франкских молодых рабынь!
Ты не привез его рубашки,
Пучка травы из тех пустынь?

Кади
Не плачь так громко, Бога ради,
Подумай, караван твой цел,
И ты цела.

Старуха
О, добрый Кади
Ты мудрость взял себе в удел.
Но как я буду одинокой
В расцвете сорока трех лет?
Мой муж — больной и кривобокий,
И стар, как время, наш сосед.
У одного видны все ребра,
Другой мешка с овсом тучней...
Когда не ты, мой кади добрый,
То я останусь без детей.
Ты крепок, как орешек твердый...

Кади (отступая)
О нет! Я много перенес.

Старуха
Как роза, пышет нос твой гордый...

Кади (отступая)
Мой нос — обыкновенный нос.

Старуха
Я хороша?

Кади (отступая)
Была когда-то.

Старуха
И взор мой светится.

Кади (отступая)
Бог с ним!

Старуха
О кади, кади, я богата...

Кади (останавливается)
Мы после переговорим.

Дервиш
О мертвом вспомни, дочь позора!
Святая месть зовет теперь.
(Указывая на пери):
Ты видишь девушку, которой
Повиновался дикий зверь.

Старуха
Как, и она теперь в Багдаде
И не боится никого?
Хватай ее, мой добрый кади,
Убийцу сына моего!

Кади
Страшна злодейке будет кара,
Клянусь моею бородой:
Пятьсот три палочных удара,
(В сторону)
А перед казнью ночь со мной.

(Появляется шейх).

Дервиш
Почтенный шейх, откинь суровость,
Склони ко мне твой важный взгляд!
Печальную ты знаешь новость
О том, что твой скончался брат?

Шейх
Что говоришь ты, вестник горя?
Мой брат, могучий бедуин...

Д е р в и ш

Его зарезал, с ним заспоря,
Какой-то странный паладин.

Ш е й х

Пускай его проказа сгложет!
Нет, я сперва его убью...

Д е р в и ш

Почтенный шейх, никто не может
С ним, сильным, справиться в бою.

Ш е й х

Ответь, я вне себя от гнева,
Чьего он рода, кто такой?

Д е р в и ш

Его рукой владела дева,
Стоящая перед тобой.

Ш е й х

О мечь! О кровь! О духи ночи!
Я разъяренный лев, я слон!
Но что? Мои не видят очи,
Я черным гневом ослеплен...

Д е р в и ш

Вон там. Ее уводит кади.

Ш е й х

А, нет! Отмщенье только мне!
Пусти, собака!

К а д и

Мы в Багдаде,
А не в разбойничьей стране.

Ш е й х

Я — шейх пустыни и не смею
С тобою, жирным, говорить!
(Бьет его. Кади и старуха убегают).
Но что я буду делать с нею?
Я не могу ее убить.
На шею девушек прекрасных
Не опускаются мечи.

Д е р в и ш

Почтенный шейх, оплот несчастных,
Позволь сказать мне...

Ш е й х

Замолчи!
Ты, девушка... Молчит... И ясно,
И нежно смотрит, как любовь...
Ответь!.. Нема... Она прекрасна,
Но между нами встала кровь.
Я и люблю, и ненавижу,
И замираю от стыда.

Д е р в и ш

О, господин мой!

(Появляется пират).

Ш е й х

Что я вижу?
Пират Али! Спешి сюда!
Привет тебе, товарищ старый,
Купи невольницу мою.

П и р а т

Полны невольниц все базары,
Но сто червонцев я даю.

Ш е й х

Четыреста. Она из рода
Высокого наверняка.

П и р а т

Ах, мало ценится порода
Рабыни или бедняка.
Я не Синдбад, отец богатства,
Что возвращается сюда.
Я беден.

Ш е й х

Ну, во имя братства,
Бери за триста.

П и р а т

Двести, да.

Ш е й х

О, блеск груди молочно-белых,
О, тяжесть бедер молодых!

П и р а т

На итальянских каравеллах
Я находил и не таких.

Ш е й х

Но там ты дрался.

П и р а т

Что мне драка?
Так, удовольствие одно,
Зато все даром.

Ш е й х

Духи мрака!
Бери за двести, все равно.

(Сын калифа появляется на террасе).

Д е р в и ш

О, повелитель правоверных,
Я падаю к твоим ногам.

С ы н К а л и ф а

Да ты святой не из примерных,
Коль странствуешь по городам.

Д е р в и ш

О, горе!

С ы н К а л и ф а

Где? Скажи мне прямо!
Мука на рынке дорога?
Иль городскому каймакаму
Друзья наставили рога?

Д е р в и ш

Ты шутишь, светлый?

Сын Калифа
Иль жениться
На склоне лет задумал ты
И не найдешь нигде девицы
Тебя достойной красоты?

Дервиш
Калиф, отец твой...

Сын Калифа
Знаю, знаю!
Я роздал треть моей казны
За эту весть.

Дервиш
Я продолжаю,
Внимать и сильные должны.

Сын Калифа
Как алчны эти астрологи,
Шуты, монахи, мудрецы!
Чревоещатели и йоги —
Такие скучные глупцы!

Дервиш
Убийца кто?

Сын Калифа
Не все равно ли?
Кольцо.

Дервиш
Как речь твоя грешна!
Кольцо — пособник и не боле,
Кольцом владела вот она.

Сын Калифа
С ней важный шейх, моряк почтенный,
Она, — их, кажется, раба.
Ты палок хочешь, о смиренный,
Или позорного столба?

Дервиш
Ее готов продать пирату
Разбойник старый, бедуин,

А власть и право на расплату,
Калиф, имеешь ты один.

Сын Калифа
Ну, хорошо, я рассердился.
Хотя в Багдаде говорят,
Я гневен, что не возвратился
До этих пор мой друг, Синдбад.
Эй, кто там! Евнухи! Бегите,
Ведите девушку сюда,
Кто с ней, тех на кол, да смотрите,
Вы ей не сделайте вреда.

(Два евнуха сбегают с террасы).

Пират
Как, стража? Я на днях феску
Разбил у этого дворца.
Бежим скорей!

Шейх
Товарищ, руку!
И я вчера убил купца.

(Убегают. Стража уводит Пери).

Дервиш
Как я приду к небесной двери,
И что скажу Царю Высот,
Когда мне вверенная Пери
Позорной смертью умрет?

(К сыну калифа):
Скажи, что сделаешь ты с нею,
Не слишком будешь ли суров?

Сын Калифа
Дам ожерелье ей на шею
Из розоватых жемчугов.
Дам камень, вынесенный грифом
С алмазных россыпей луны.
Из-за нее я стал калифом
И господином всей страны.

Дервиш
Как добры ты!

Сын Калифа

Но, в пример народу,
Мой суд и благ и справедлив:
Ее тотчас же бросят в воду,
И будет отомщен калиф.

(Скрывается. Появляется Синдбад).

Синдбад

Уж год как, родину покинув,
Я с песней обошел моря,
И полон мой корабль рубинов,
Даров цейлонского царя.
Я был вельможею Непала,
Убил морского старика,
И птицу Рок во тьме поймала
Искусная моя рука.
Я торговал за облаками
И в океанской глубине,
Где люди с рыбьими хвостами,
Как божеству, молились мне.
Далеко за полярным кругом,
В пещере джинов ледяной
Проклятый Эблис был мне другом,
А джинша страшная — женой.
О, камни белого Багдада!
О, сладкий запах чеснока!
Смеются губы, сердце радо,
Для всех щедра моя рука.

(Евнухи выводят Пери;
появляется глашатай).

Глашатай

Привет вам, граждане Багдада,
Синдбад вернулся наконец!
Идите все на пир Синдбада,
Во вновь отстроенный дворец!

(Уходит).

1-й евнух

Брось девушку, идем, приятель!

2 - й е в н у х

Боюсь калифа, не пойду!

1 - й е в н у х

А птичьи головы в томате!

А бадиджаны, рис в меду!

(Убегают; пробегают Кади и старуха).

К а д и

Он мечет пригоршни рубинов

В толпящийся кругом народ.

С т а р у х а

С собой привез он исполинов,

Один особенно урод.

(Пробегают; появляются шейх и пират).

П и р а т

Идти к Синдбаду! Что он мелет?

А стража, судьи!

Ш е й х

Все равно!

Скорей! Там всех рабынь поделят

И выпьют лучшее вино.

(Уходят; появляются сын калифа и астролог).

С ы н К а л и ф а

К Синдбаду! Ах, с его рассказом

Сравнится ль болтовня твоя?!

А с т р о л о г

Я просветлю вином мой разум.

(Проходят).

2 - й е в н у х

Пожалуй, побегу и я.

(Убегает).

Д е р в и ш

Они забыли отомщенье,
Непостоянны и во зле,
Скажи, какое искупленье
Найдешь ты, Пери, на земле?

П е р и

Печаль земная быстротечна
И улетаёт словно дым,
Не мертвецы томятся вечно
Под тяжким сводом гробовым.

Картина третья

Сад Гафиза. Утро. Купы роз и жасминов.
Большие птицы.

Г а ф и з

Великий Хизр, отец садов,
В одеждах, как листва, зеленых,
Хранитель звонких родников,
Цветов и трав на пестрых склонах,
На мутно-белых небесах
Раскинул огненную ризу...
Вот солнце! И судил Аллах
О солнце ликовать Гафизу,
Сюда, Коралловая Сеть,
Цветок Граната, Блеск Зарницы,
Дух Muskusa, я буду петь,
А вы мне отвечайте, птицы.

(Поет):

Фазанокрылый, знойный шар
Зажег пожар в небесных долах.

П т и ц ы

Мудрец живет в тени чинар,
Лаская отроков веселых.

Г а ф и з

Зажег пожар в небесных долах
Царь пурпурный и золотой.

П т и ц ы

Лаская отроков веселых,
Мудрец подьмет кубок свой.

Г а ф и з

Царь пурпурный и золотой
Описан в чашечках тюльпанов.

П т и ц ы

Мудрец подьмет кубок свой,
Ответный слыша звон стаканов,

Г а ф и з

Описан в чашечках тюльпанов
Его надир, его зенит.

П т и ц ы

Ответный слыша звон стаканов,
Мудрец поет и говорит.

Г а ф и з

Его надир, его зенит
Собой граничит воздух тонкий.

П т и ц ы

Мудрец поет и говорит,
Смеется, внемлет лютне звонкой.

Г а ф и з

Собой граничит воздух тонкий,
Сгорает солнце-серафим.

П т и ц ы

Смеется, внемлет лютне звонкой,
Нагая дева перед ним.

Г а ф и з

Сгорает солнце-серафим
Для верного, для иноверца.

П т и ц ы

Нагая дева перед ним,
Его обрадовано сердце.

Г а ф и з

Для верного, для иноверца
Шумит спасительный пожар.

П т и ц ы

Его обрадовано сердце,
фазанокрылый знойный шар.

(Входят Пери и дервиш).

П е р и

Не это ль рай для чистых душ,
Заветные Господни кущи?
Кто этот величавый муж,
Так изумительно поющий?
Как кудри черные сплелись
С гирляндой роз багряно-красных!

Д е р в и ш

Пчела Шираза, князь Гафиз,
Наставник юных и прекрасных.

П е р и

О дервиш, убежим скорей,
К чему мне радость этой встречи,
иногда я бремя трех смертей
На слабые взвалила плечи,
И три ужасные лица
Мне усмеваются из гроба?

Д е р в и ш

Аллах — защитник пришлеца.

Г а ф и з (о б о р а ч и в а е т с я)

Входите и садитесь оба.
Ты плачешь, девушка? О чем —
В саду Гафиза слез не надо,
И ты озарена лучом,
Как розы и жасмины сада.
Я тоже дервиш, но давно
Я изменил свое служенье:
Мои дары Творцу — вино,
Молитвы — песнь о наслажденьи.

Д е р в и ш

О, Сердце Веры, князь Гафиз,
Ты увидишь пери пред собою.
Она сошла из рая вниз,
Стать лучшего из нас женою.

И трое сильных, молодых
Из-за нее лежат в могиле.
Раскаянье и скорбь за них
Ей в сердце когти запустили.
Я твердо знаю, что помочь
Лишь ты, Язык Чудес, ей можешь.
Пускай меня покроет ночь,
Когда и ты ей не поможешь.

Г а ф и з

Кого же первым увела
Смерть в переходы лабиринта?

П е р и

Красавца с голосом орла,
С лицом нежнее гиацинта.

Г а ф и з (ч и т а е т з а к л и н а н и е)

Крыло лучей, в стекло ночей
Ударь, ударь, стекло разбейся!
Алмазный свет, сапфирный свет
И свет рубиновый, развейся!
Я фениксом, я птицей Рок,
Я алконостом вещим кличу:
Отдай мне юношу-цветок,
О ночь, отдай свою добычу!

(Появляется юноша
с крылатой девушкой Эль-Анка).

Ю н о ш а

Никто не разлучит нас двух,
Эль-Анка, дева-совершенство!
(К Гафизу):
Напрасно ты мой вырвал дух
Из белоснежных рук блаженства.

Г а ф и з

Блаженство мыслимо ль в нови?

Ю н о ш а

Такие там пылают светлы,
Колеса пламени, лучи,
Каких не ведают поэты.

Г а ф и з

Быть может, ты теперь в раю?

Ю н о ш а

Не счесть обителей господних,
И душу радуют мою
Восторги дальних преисподних.

Г а ф и з (у к а з ы в а я н а п е р и)
Скажи, о ней жалеешь ты?

Ю н о ш а

Могу ль тебе я не дивиться?
Ведь не сравнятся и цветы
С моею новою царицей.
Эль-Анка, девушка глубин,
Пускай увидят чужестранцы
В лучах сверкающий рубин,
Твои пленительные танцы.

(Эль-Анка танцует).

П е р и

Меня прощаешь ты?

Ю н о ш а

За что?
За то, что мир мой дивно светел?
За то, что из земных никто
Такую девушку не встретил?
Одна есть просьба у меня:
Проси умильно и приятно,
Чтоб в область белого огня
Графиз пустил меня обратно.

П е р и

Пусти его.

Г а ф и з

Иди.

(Юноша и Эль-Анка уходят).
Один,
Сама ты видела, доволен.

П е р и

Увы! Свирепый бедуин
В аду и мукой ада болен.

Г а ф и з (читает заклинание)

Пади расплавленным свинцом,
Моя отточенная воля,
В страну, забытую Творцом,
На льдистое ночное поле!
Пройди его, иди туда,
Где опрокинулась долина,
Иди и приведи сюда
Неистового бедуина!

(Появляется бедуин).

Б е д у и н

Мне душно, обессилен я
Напорам воздуха земного,
Закон иного бытия
Волшебное разбило слово.

Г а ф и з

Откуда ты, о страх теней?

Б е д у и н

Я в черной пропасти блуждаю,
Рогатых львов, крылатых змей,
Орлов железных поражаю.
Они спускаются с высот,
Необычайны и ужасны,
И кровь зеленая течет,
Она пьянее крови красной.

Г а ф и з

Скажи, печальны мертвецы?
Земную радость любит всякий.

Б е д у и н

И яростней меня бойцы
Скитаются в том страшном мраке.
Я зрел хромца Тимура там,
Немврода в шкуре леопарда,
Масрура, равного царям,
И Сердце Львиное, Ричарда.

Как рок я выбрал бы иной?
Нет, мне мила моя обитель,
И сам Искандер там со мной,
Мой господин и победитель.

П е р и

А я? Скажи, что делать мне?
Как исцелиться от печали?

Б е д у и н

Живи, чтобы во всей стране
О подвигах моих узнали.
Прекрасна жизнь моя была,
А смерть светла и величава,
Чтобы моя везде прошла,
Как знамена Омара, слава.

(Скрывается).

Г а ф и з

Ты видишь, и второй счастлив,
Он не расстанется с могилой.

П е р и

А третий, благостный калиф,
Лишенный царства с жизнью милой?

Г а ф и з (ч и т а е т з а к л и н а н и е)
Живое слово, устремись
Туда, где зарождение слова,
Ни внутрь, ни вглубь, ни вширь, а ввысь,
Ты, сила старая, за новой!
Как молния летит на кедр,
Как гриф бросается на грифа,
Пускай из звездосиних недр
Сойдет на землю дух калифа!
(Появляется ангел).
Как! Ангел смерти!

П е р и

Брат святой!

Г а ф и з

Земля, простишь с твоим поэтом!

А н г е л

Я прихожу не за тобой,
Я — вестник, посланный с ответом.
Ты дух калифа вызвать мнил:
Его ничто не беспокоит,
Источник райский Эльзебил
Забвеньем мира сердце поит.
Он отдыхает на луне,
Вдыхает звезд благоуханье,
Над ним в слепящей вышине
Немолчны клики и бряцанья.
Неслыханное торжество
Вкушает в небе дух-скиталец,
Аллах поставил на него
Своей ноги четвертый палец.
О нет, он не придет на зов,
Его он даже не услышит.
Я рек. Собрание мудрецов
Пускай слова мои запишет.
Сестра, облекшаяся в плоть,
Их распевать заставь поэта,
Чтоб знали люди, как Господь
Взыскал потомка Магомета.

(Скрывается).

П е р и

Как кров приветный кипарис
Дарует птице перелетной,
Так и меня, о, князь Гафиз,
Ты снова сделал беззаботной.
Ты петъ меня научишь. Пусть
Я новые узнаю песни!
Пленительно взывает грусть,
Но радость говорит чудесней.

Г а ф и з

Глазами, полными огня,
Я в сердце сладостно ужален.
О пери, пожалей меня,
Я счастлив был, а стал печален.

(Поет):

Твои глаза как два агата, пери!
Твои уста красней граната, пери!

Прекрасней нет от древнею Китая
До западного калифата Пери,
Я первый в мире, и в садах Эдема
Меня любила ты когда-то, пери.
Но ты бледна, молчишь, не смотришь, разве
Любовью больше не богата пери?
За мудрость, за стихи его, Гафизу
Ужель дана не будет плата — пери?
Блаженство с нею всех блаженств желанней,
И горше всех утрат утрата пери.
Но я не дерзкий нищий, я влюбленный,
Что скажешь, то исполню свято, пери.

П е р и (п о е т)

Зачем печально так поет Гафиз?
Иль даром мудрецом слывет Гафиз?
Какую девушку не опьянит
Твоих речей сладчайший мед, Гафиз?
Бледна ли я? И ангелы бледны,
Когда по струнам лютни бьет Гафиз.
Молчу? Молчат смущенные уста,
А сердце громче бурных вод, Гафиз.
Я не смотрю? Но солнце ли слепит,
Как тайн язык, чудес оплот, Гафиз?
Средь райских радостей, средь мук земли
Я знала — этот час придет, Гафиз.
Перед тобой стоит твоя раба,
Веди ее под твой намет, Гафиз.

Д е р в и ш

Постой, перед моим Творцом
Я нерадивым не предстану.
Единорогом и кольцом
Тебя испытывать я стану.
Тогда лишь я увижу сам,
Что ни единый не сравнится
С тобой...

Г а ф и з

Какой ужасный гам
Вдруг подняли смешные птицы!
(Подлетает птица).
Ты что, Гранатовый Цветок?

Птицы

Гафиз, в Аллахе просиявший,
Вернулся твой единорог,
Три дня тому назад пропавший.
И он вступает на крыльцо,
Неся на золоченом роге
То Соломоново кольцо,
Что ты хранил в своем чертоге.

Гафиз

Я рад, я все о нем скучал.
Пусть не боится он расплаты.
К тому же он кольцо достал,
Потерянное мной когда-то.
Но тише, будет торжества!

(К дервишу):

Ты говорил об испытаньи,
Отец?

Дервиш

Забудь мои слова,
Целую след твой на прощанье.

(Уходит).

Гафиз (к Пери)

Ты словно слиток золотой,
Расплавленный в шумящих горнах,
И грудь под легкой пеленой
Свежее пены речек горных.
Твои глаза блестят, губя,
Твое дыханье слаще нарда...

Пери

Ты телу, ждущему тебя,
Страшнее льва и леопарда.
Для бледных губ ужасен ты,
Ты весь, как меч, разящий с силой,
Ты пламя, жгущее цветы,
И ты возьмешь меня, о милый!

Занавес

Примечание

Гумилёв Николай Степанович (1886–1921) — русский поэт, создатель школы акмеизма, переводчик, литературный критик, путешественник, офицер.

В 1907–1908 гг. и в 1913 г. путешествовал по Турции, Сирии, Палестине, Египту, Абиссинии. Гумилёв был знаком с многочисленными подражаниями Востоку, популярными в русской литературе того времени. Его великолепные переводы Насир-и Хосрова и Имр ал-Кайса свидетельствуют о том, что при работе над восточной тематикой поэт обращался к специальной научной литературе. Определенная информация могла быть получена поэтом от друзей-востоковедов, из впечатлений от африканских экспедиций, маршруты которых проходили через мусульманские страны. В творчестве поэта нашли отражение отдельные положения учения исламских мистиков — суфиев: познание истины через воспитание в себе любви к Богу, отрешение от материального мира с целью слияния с Абсолютом. Суфийский взгляд на мир как на непрерывную эманацию верховного существа, на категории добра и зла оказал определенное влияние на Гумилёва, который был единственным русским поэтом начала XX в., постоянно обращавшимся в своих духовных и творческих исканиях к Востоку.

Стройной системы суфийских духовных ценностей среди произведений Н. Гумилёва нет. Наиболее интересный материал для выявления элементов восточной духовности в произведениях Гумилёва дает пьеса «Дитя Аллаха», в которой самым причудливым образом переплелись христианские апокрифы, мифы древних персов-зороастрийцев, предания арабов-мусульман и суфизм.

Печатается по: *Гумилев Н.* 1) Колчан. Пг.: Гиперборей, 1916. С. 79. 2) Аполлон. 1917. № 6/7. С. 17–57.

